

САРКАСТИЧНОСТЬ заголовка очевидна, хотя называть советский народ после распада СССР антисоветским — не просто злая ирония, а не лишённая содержательности метафора: именно такой и была идеологическая позиция.

Б.Н. Ельцин в июне 1992 года выступил в Конгрессе США с отчётом о проделанной работе и планах на будущее: "Мир может вздохнуть спокойно: коммунистический идол, который селял повсюду на земле социальную рознь, вражду и беспримерную жестокость, который наводил страх на человеческое сообщество, рухнул. Рухнул навсегда. И я здесь для того, чтобы заверить вас: на нашей земле мы не дадим ему воскреснуть!... Россия окончательно сделала выбор в пользу цивилизации, здоровья, смысла, общечеловеческого опыта... Опыт минувших десятилетий научил нас: коммунизм не имеет человеческого облика! Свобода и коммунизм несовместимы!"

За плечами бывшего коммунистического функционера уже был и выигрыш на выборах президента РСФСР, и подавление ГКЧП, и Беловежский говор, и распад СССР, и запрет родной партии КПСС, и приватизация... Россия действительно двинулась по антикоммунистическому, антисоветскому пути. Начались изменения в общественном сознании, подвергшемся интенсивной идеологической обработке. То, что происходит перестройка глубинных ценностей, в том числе и на личностном уровне, стало ясно позднее. В обычной жизни люди оперировали другими понятиями и образами. Мы были за или против отдельных персон и политических движений, индикаторами выступали газеты и журналы. Одни читали и почитали "Наш современник" и "День", другие — "Огонёк" и "Московские новости", одних называли "патриотами" и "красно-коричневыми", других — демократами, либералами, рыночниками. За каждым из этих направлений стояли определённые системы ценностей. Среди сторонников тех и других направлений были как те, кто умом и сердцем не принимал крушение СССР, так и те, кто не просто принял, но и испытывал разные формы "радости": одни — от жажды мщения, другие — от надежд на лучшую жизнь. Были и те, кто цинично и расчётливо понимал, что происходящее надо рассматривать не с эмоциональной точки зрения, а как появление возможности сделать карьеру и обогатиться: важно только держаться тех, кто побеждает и окажется "на раздаче".

Советский народ строил коммунизм, а построил криминальный капитализм — стало быть, и эти ценности, и ресурс его построения в народе существовали. Те из нас, кто составлял основу "советского народа", кто разделял многие, в том числе высшие ценности СССР (прежде всего — само его существование), хотели изменений не столько в матрице ценностей, сколько в управленческих моделях, их эффективности. В советской жизни нам не всё нравилось: неоправданные ограничения идеологического и бытового характера, навязывавшая догматичность официальной идеологии, расплывчатость ускользающей цели — коммунизма и многое другое. Так что мы — "настоящие советские люди" — перемени хотения и готовы были их поддержать. Были и "не совсем настоящие" советские граждане, которых не устраивали базовые принципы и ценности социализма: запрет частной собственности, ограничение возможности предпринимательства, необходимость скрывать так или сяк найденное богатство. Не устраивали ограничения выезда за границу и доступа к конвертируемому валюту. Не принимали — ни как идея, ни как жизненная цель — построение общества всеобщей справедливости, коммунизма, а жизнь в "развитых странах" воспринималась как уже достигнутый идеал. Таких людей в советском обществе было немного, но когда инверсия ценностей произошла — их час пробил, и многие быстро оказались в верхнем социальном слое.

Антикоммунизм-антисоветизм стал нормой идеологической и культурной жизни страны, пропитав собой всё: от газет и книжек ангажированных литераторов до школьных программ, телевидения, эстрады и кино. Советский период русской истории подвергся отрицанию, очернению и осмеянию. Три десятилетия трепыхающийся мозаичный ценностный базис российского общества влихивали в сложившийся идеолого-политический тренд. Сегодня мы живём в стране, ценностная структура которой "приготовлена" как целенаправленным усилиями идеологов и социальных инженеров, так и в ходе внутреннего саморазвития общественного сознания.

Обыденный уровень понимания, что такое ценности, при всей его неточности не так уж плох: ценности — это то, чем мы дорожим в мире предметов, качества, идеалов и представлений. Здоровье, знания и умения, отношения с людьми, жильё, достаток, безопасность, уверенность в завтрашнем дне, ощущение доверия к власти, доступ к образованию и культуре, духовные и политические свободы, гордость за свою страну и свой народ — перечень того, что мы ощущаем как ценность, можно продолжать.

Размышляя об этом, надо помнить, что пространством ценностей многомерно: есть ценности государства, есть ценности общества и его отдельных сегментов, есть ценности личностные. По умам и сердцам отдельных граждан распределена смесь самых разных ценностей, эта субстанция и является тем "материалом", из которого складываются ценностные структуры общества. Структуры являются уже не "материалом", а конструктивной особенностью социума, существенно влияющей на его свойства и цели. Ценностная структура общества проявляет себя в виде сословий, политических партий и движений, религиозных сообществ, этносов и т. п. Одной из общих для всех ценностей является государственность — как важнейшее качество, а его аппарат — как инструмент, с помощью которого каждый из элементов структуры может продолжать существование и быть не только защищён сам, но и подавлять своих соперников.

Обращаясь к языку ценностей, говорим о ресурсах общественной энергии, которые могут быть вовлечены в текущий процесс выхода из кризиса и дальнейшего

развития. Говоря о происходящих сейчас идеологических изменениях, мы не строим иллюзий насчёт базовых принципов, на которых стоит наше капиталистическое государство. Представления о справедливости остаются вполне либеральными, равно как и отношение к богатству и способам его обретения. Распространён взгляд на человека как на социальное животное, стремящееся к личной выгоде. Советское прошлое считается туловищем путём. В обществе продолжает укрепляться структура социального и имущественного неравенства, формируется сословная иерархия, нарастают разломы по этническим и религиозным линиям. Всё это и многое другое остаётся для нас предметом осуждения и идеологической борьбы. Но текущие — в силу "логики обстоятельств, а не намерений", как говорил в своё время Сталин, — процессы способствуют укреплению государства (такого, уж какое есть, со всеми его недостатками). А это мы считаем благом и готовы способствовать, предлагая поднять уровень влияния дремлющих советских ценностей и сформировать позитивное к ним отношение ради дальнейшего развития России.

Советский народ — это русский и прочие народы Российской империи, жившие в СССР. Говоря о "советских ценностях", надо осознавать неточность этого понятия. С одной стороны — есть некое нормативное описание тех качеств и идеалов, которые должны быть у советских граждан, с другой стороны — есть куда более сложная реальность, существовавшая в умах и сердцах. Советский народ сберёг в себе и передал следующим поколениям собственную русскую историю — не только в прямом, биологическом, смысле, но и в более широком понимании. Вспомним некоторые из качеств, сопоставляя их с теми ценностями, которые нам навязывают, формируя из нас антисоветский, во многом — антирусский народ. Далее для краткости буду пользоваться сокращениями типа "а-общество", "а-сдвиг" ценностей и т. п.

Часто говорят о таком качестве, как коллективизм нашего народа. Антисоветские пропагандисты трактуют его как

там: в советское время между ними шла бескомпромиссная борьба. Большевики не желали "идти на уступки мракобесию и поповщине", это было обусловлено не "преданностью марксизму", а борьбой за власть в государстве: церковь обладала не только огромным влиянием на народ, но и реальной политической и экономической властью. Дальнейшая борьба с религией и церковью носила неоправданно ожесточённый характер. Инерция vulgarного политического марксизма рождала скрывающиеся идеологические догматы, а личные качества некоторых советских руководителей лишь усугубляли дело. А-общество терпимо по отношению к религии и церкви, и это не самая худшая его черта. Однако во взглядах на человека и его природу есть тревожная особенность. Соплашаясь с биосоциальной природой человека, либеральная доктрина смешает пропорции: биологического больше, чем социального, человек — животное. Хотя и социальное, хоть и сложное, но его устройство сродни алгоритмизируемым машинам: человека можно "настраивать" и "изготавливать". В этом корни евгеники, нацизма, трансгуманизма и многих других опасных плодов либерального а-сада. Этому следует противопоставить концепцию всестороннего развития личности — похожую на советскую, но сопряжённую как с научным видением природы человека, так и с религиозными взглядами. Что, повторю, в идеолого-политическом пространстве сделать не так уж сложно.

Важной ценностью во все времена было стремление к справедливости. Справедливость — как бы очевидное, но очень противоречивое понятие. Наша история может быть рассмотрена как стремление к справедливости. Однако во все времена шаг к одной справедливости сопровождался порождением другой. Скажем, в лозунге "Земля — крестьянам, фабрики — рабочим!" и в его реализации одновременно рождались справедливость по отношению к одним и несправедливость по отношению к другим. "Утешительной" формулой должен был служить классовый подход,

АНТИСОВЕТСКИЙ НАРОД

О «перестройке» ценностей

рабскую покорность и единомыслие — что является ложью, опровергаемой всей историей. Уточним смысл понятия "коллективизм" — не для опровержения лжи, она того не стоит, а для углублённого понимания. Наш коллективизм — это чувство единства и готовность к совместным и солидарным действиям: в труде, принятии решений, переживаниях, осмыслении происходящего. Готовность и стремление к таким действиям — одна из ключевых ценностей нашего мировоззрения. Лишение нас возможности солидарных действий: сходов, собраний, советов, подмена их демократическими процедурами индивидуализированных персон разрушает одну из опор существования нашего народа. Главным в а-обществе является именно индивидуализм, человек должен ощущать и вести себя как атомизированная единица, мотивированная в первую очередь эгоистическими устремлениями. Такие люди в русском народе всегда были, есть и будут, вопрос лишь в том, делать ли их образцами для подражания, "затягивать" ли под них цели и методы общественного развития. Полагаем, что это приводит к ослаблению и разрушению творческого потенциала и созидательной энергии народа.

Одной из базовых ценностей (бывшей в советское время в центре внимания) является отношение к богатству и труду: достаток — результат труда, иные способы обретения богатства вызывают неприятие. Труд воспринимался в широкой гамме: от ручного до творческого. Труд композитора, за минуту "нависшего" полибибишующего людям мелодию и получившего за это много денег, или учёного, за ночь "открывшего формулу", принесшему ему и славу, и деньги — не осуждался. Спекулянты, перекупщики и им подобные — осуждались и для большинства людей были презираемой частью населения.

Важной особенностью советского менталитета было стремление к всеобщему и гармоничному развитию личности, воспринимаемое и как цель, и как критерий развития не только человека, но и страны. В а-обществе произошла подмена идеи развития творческого потенциала каждого человека ключевой ценностью общества потребления — стремлением к определённому уровню материального достатка. Стремление это было и в советские времена, но тогда "рост материальных потребностей" ещё связывался и был обусловлен развитием личности, теперь эта связь отброшена, так что "уровень жизни" сам по себе — и цель, и критерий. Что касается развития личности, в а-обществе этот аспект стал прагматичной частью качеств, использующихся в конкурентной борьбе.

Базовым положением советской (марксистской) доктрины было представление о том, что человек — творец истории. Человек способен менять и себя, и окружающий мир, его предназначение в этом и состоит. Таковы материалистический подход к пониманию истории и утверждение биосоциальной природы человека. Человек — существо биологическое, продукт эволюции, но в не меньшей мере человек и существо социальное, чем существенно отличается от животных. Этот взгляд находится в противоречии с большинством религий, в которых существование человека, его двудеиная (душа и тело) природа и предназначение обусловлены божественным замыслом. Найти социально приемлемый компромисс между научно-материалистическим и религиозными взглядами не так уж сложно. Сложнее "договариваться" политическим и религиозным институ-

предлагавший одной части населения не особо переживать о страданиях классово чуждой его части. Последующее развитие в какой-то мере заживляло раны: общенародная собственность проявляла себя как форма справедливости, отвечающая чувству общности. Но её век оказался недолго. Причём вовсе не желание урватьчасть допущенную некогда несправедливость в отъёме имущества стало тому причиной, а алчность приватизаторов 90-х. Образ справедливой России должен состоять не только из описания того, как что должно быть "по справедливости", но и того, что сейчас воспринимается как несправедливость, в чём её причины и как их следует устранить. Делать это придётся, поскольку позитивные социальные изменения возможны только как результат целенаправленной деятельности.

Целенаправленная деятельность предполагает наличие образа цели — в данном случае образа будущего. В советское время образом желанного будущего был коммунизм. Он описывался в самых общих чертах: справедливое бесклассовое общество свободных тружеников. Коммунизм представлялся как высший этап развития общества, который пока ещё нигде не существовал, но считался достижимым — как результат планомерного и научно обоснованного процесса его строительства. Этот образ был одной из базовых ценностей советского общества, однако его значимость постепенно снижалась — как потому, что заявленные сроки его достижения откладывались, так и потому, что многие ожидали по ходу движения к коммунизму признаки улучшения жизни не наступали. Образ всё больше казался утопией, но в этом качестве продолжал играть роль социально значимой ценности и цели. А-общество с первых дней своего появления объявило коммунизм "идолом, наводящим страх" — как заявил в цитированной выше речи Ельцин. От "идола" избавились, но нового образа желанного будущего не предложили. Да он и пришедший к власти мародёрам и не был нужен, поскольку пришли они не строить, а мстить, грабить и вызвать набравное в страны, бывшие для них окрабленое уже построенного там идеального общества. Им какой-то новый образ не нужен, вполне достаточным казался копиями всего, что понравилось за границей. Есть и прагматичные предприниматели, которые планируют деятельность исходя не из образа будущего, а из интересов и перспектив развития своего бизнеса. Сумма таких подходов, естественным образом замешанных на экономическом кризисе, и стала основной моделью строительства нашего общества и государства. А-общество живёт в модели ситуативного поведения с краткосрочными целями. Сейчас, надеюсь, наступает период нащупывания исторической инициативы, важным элементом которой должен быть образ будущего. Возможно, стремление к модели многополярного мира послужит катализатором рождения политически значимого образа будущего для России. В этой связи представляется важным не только его описание, но и корректировка ранее заявленного. Надо бы отказаться от проклятия образа коммунизма: сотрудничать с Китаем или Вьетнамом сложнее, если лозунг "коммунизм не имеет человеческого лица" не снят с повестки. Полагаю, что необходима переоценка коммунизма как идеи, рассмотрение её как одной из моделей построения общества справедливости, а советский опыт — со всеми его удачами и неудачами, прозрениями и заблуждениями, приемлемыми и неприемлемыми методами и прочим — осознать

как важнейший и единственный для нас ресурс, отталкиваясь от которого можно и нужно продолжить движение.

Универсальный солдат любой идеологической армии — идея свободы. Её — и как путеводную звезду, и как орудие разрушения — можно вбросить в любое общество, повести за собой людей и оправдать последующие действия. Свобода — как философская и политическая категория — лишена самодостаточности, то есть определённого смысла без сопоставления с какой-либо несвободой. Сперва должны возникнуть запреты и ограничения, преодоление которых будет ассоциироваться со свободой. Запреты и ограничения — инструмент и условие, без которого не существует ни одно государство. Таким был СССР, такова и современная Россия. Поговорим, однако, не о запретах как таковых, а о сдвиге ценностей и их эмоционально-чувственном восприятии. В советском обществе были как те, кто болезненно ощущал ограничения, так и те, кто их практически не чувствовал. Позитивные эмоции воспринимались легко и незаметно, в то время как негативные вовлекают человека в их переживание. Так и со свободами: мы их не замечаем, ощущая как естественное свойство среды обитания, а вот ограничения чувствуем и испытываем дискомфорт. Ценностный сдвиг, осуществлённый при а-переходе, даровал свободы, которых ранее не было: расширение свободы слова, передвижений по миру, предпринимательской активности, публичной сексуальности и др. А утрата многих прежних свобод стала осознаваться не сразу. Речь идёт о базовых советских ценностях: свобода выбора профессии, свобода от платы за обучение, свобода от страха перед будущим, от угрозы войны (идеологи о ней говорили, но на эмоциональном уровне реальная угроза не воспринималась) и многое другое.

В а-обществе "свобода" наполняется злободневной конкретикой: свобода от советской цензуры, от "парктрофов", от законов, ухудшающих развитие экономики. Дробилкой "свободы" разрушились многие базовые устои: коллективизм надо заменить индивидуализмом, отзывчивость — эгоизмом. В очередной раз (предвидящий был в 1917 г.) осуществлялась девальвация ценности государства как такового: его можно и разрушить. И в 1917-м, и на рубеже 90-х происходила декаркализация государства — его сути, символов и персон, олицетворяющих государственную власть.

Государство и государственность — высшие ценности. Советский народ по определению — продукт советского государства, без которого он перестал существовать как политическая реальность. Описав то же население как русский, татарский или любой другой этнически определённый народ, мы увидим, что по этим — и многим другим — критериям люди продолжают существовать и при утрате государственности. Советский народ оказался разделённым на 15 фрагментов, каждый из которых подвергся своим инверсиям ценностей. Общее для всех государств — СССР — исчезло, обретать чувство новой опоры во вновь возникших государствах оказалось непросто. Представители титульных наций легче обрели опору инстинкта государственности в своих новых суверенитетах, а вот русскоязычные пережили (и продолжают переживать) настоящую драму всеми отвернутой части ещё недавно большого, сильного, полноценного народа со славной историей, традициями и древней государственностью. Лояльное отношение к своим новым независимым государствам становилось вынужденным компромиссом. У живущих в России инстинкт государственности удовлетворяется признанием Российской Федерации как правопреемницы и правопродолжательницы СССР. Есть в России и те этнические группы, у которых пробудилось стремление к независимости от России государственности. В трагической форме это проявилось в Чечено-Ингушетии, напряжения пока ещё менее драматического характера имеют место и в других национально-автономных образованиях. О сложных перипетиях взаимоотношений народов с государством и игре смыслов понятий "нация", "национальность", "этничность" и прочих поговорим в других статьях.

Государство — особый вид ценности. В ней обязательно присутствует идеоло-

гический и сакральный компонент, который чаще всего оформлен в виде мифа о возникновении государства. Его важными чертами являются древность, героизм пути и целостность истории. Современная Российская Федерация, разорвав эту сакральную-мифологическую, духовную связь с советским прошлым, оторвалась и от важного источника легитимности. Либерально ориентированная часть властной элиты лишена ощущения сакральности доставшейся ей страны, воспринимаемой как очередной "проект", у которого есть начало и конец.

Часть населения и идеологической обслуги власти пытается опереться на сакральность русской истории в её до-революционном прошлом, опираясь на православно-монархический компонент. Но они не готовы осознать важность непрерывности сакральности и вписать в неё советский период, обладавший своей особой, светской метафизикой. Без этой целостности не возникает естественных оснований для гордости и возвышенного отношения к текущей государственности. Власть пытается вырезать из ткани советского прошлого локусы, сохранив хотя бы некоторые советские "скрепы": Победа, гимн, атомный проект, космос... Это шаги в правильном направлении, но их недостаточно для эффективной опоры на отечественную историю как на созидательный ресурс.

История, вернее — её изложение, является одним из важнейших инструментов формирования и разрушения ценностей. Через изложение истории складывается базовая система координат — и нравственных, и политических, и мировоззренческих, и многих других, в пространстве которых расположены ценности и цели — как личности, так и общества, государства.

Переписывание истории происходит при всякой смене власти или её курса. Негативно окрашенная история служит инструментом разрушения, захвата и удержания власти. Большевики, борясь с царизмом, формировали такой образ до-революционной России, который должен был объяснить и оправдать её разрушение. Позитивные краски служат укреплению и созданию. Те же большевики, когда возникла необходимость развития экономики и политического устройства, обратились к другим страницам и именам русской истории. Не отказываясь от классовых оценок, советские идеологи вполне конструктивно сформировали позитивный образ русской истории, создали систему опорных событий и имён, которыми можно и нужно гордиться, сохраняя преемственность и непрерывность исторического пути. Но привлечение негативных образов и оценок, в том числе и собственного прошлого, продолжалось как инструмент удержания власти. Весьма остро это происходило в период разоблачения культа личности под видом разрушения "наследия сталинизма". Ещё раз эта методика — теперь уже с катастрофическими последствиями — была применена в перестроенный период.

Ещё одной исключительной советской ценностью является опыт выращивания наднациональной общности "советский народ" — опыт, который заслуживает внимательного изучения хотя бы потому, что нам придётся это делать вновь, если мы хотим спасти Россию от распада, передав её в руки новому конструкту, условно — россиянам, которым ещё только предстоит обрести качества государства-нации, надэтнической общности. В советском опыте, наряду с ошибками, имелись и вполне успешные результаты дружеско-любовно-уважительного отношения представителей разных народов друг к другу, готовности к солидарной совместной работе и движению к общим целям, советский патриотизм. Страна действительно развивалась как единое целое, в котором каждый народ был равноправным участником строительства коммунизма. Мне запомнились, чему же так учиться? Вот тому и учиться — понимать, отчего развалились и не допускать этих ошибок, понимать, что нас скрепляло и делало дружелюбными и, главное, — сильными, способными к мобилизации ресурсов.

Вспомним ещё об одном качестве советского народа — доверии к людям, к власти и печатному слову. С точки зрения антисоветской криминально-буржуазной элиты, это удобные качества "лохов, которых нужно доить". С точки зрения высокой — религиозной и гуманистической — морали, это позитивные качества и отдельных людей, и общества в целом, это подлинные ценно-

сти, которые хочется сберечь, хотя текущая жизнь вытрагивает их из массового общественного сознания. В нашем а-обществе нет доверия ни к власти и её институтам, ни к элите. Причём разрушилось это доверие само по себе: демонстрируемые элитой ценности и образцы поведения быстро показали народу, кто есть кто, какое место в обществе занимают воры, взяточники и утратившая остатки морали развлекательная обслуга из сферы маскультуры. Трудно в настоящее время искать опору для формирования доверия к власти и элите общества.

Вспомним о некоторых других качествах советского (русского) менталитета, потребность в возрождении которых сегодня вновь стала актуальной. Важными ценностями были совесть и совестливость. Совесть оставалась регулятором жизнедеятельности не только личности, но и государства. А-сдвиг смещает совесть, поручая её функции юридическим нормам, которые считаются достаточными в обществе эгоистов. Но русский и советский менталитет всегда был круто замешан на переживаниях совести и чувства стыда. Ещё одна ценность, ныне подтверждающаяся разнузданием, — семья, базовый элемент жизни каждого человека, закладывающий ценности и представления об устройстве общества. Образ семьи проецировался и на государственное устройство, формируя то, что называют патриархальным укладом. В тесном содружестве с семейным действовало и школьное воспитание — семья и школа были единой системой формирования и системности ценностей, и мировоззрения. Важно подчеркнуть эффективность созданной в СССР системы образования, её многоступенчатые воспитательные и образовательные функции, отвечающие потребностям развития общества. Разрушение каждого из этих элементов общества и связи между ними (превращённой в оказание образовательных услуг) ослабляет сложившийся у нас в стране тип государственности, в котором инстинкт защиты семьи от всяких угроз проецировался и на государство, воспринимаемое как большая семья.

Основой независимого развития СССР было стремление к самодостаточности. В результате а-перехода это качество государства перестало считаться ценностью и во многом утрачено. Сейчас прилагаются гигантские усилия по импортозамещению и восстановлению технологий и производств. Опыт Советского Союза в этой связи достоин и позитивной оценки, и изучения.

СССР — ценность сам по себе как явление истории, как проект, эксперимент, как сгусток высоких чаяний и надежд, как сокровищница знаний, культуры, искусства, как свод биографий советских людей... Должен быть создан новый образ советского прошлого — как драгоценной, уникальной части нашей истории. Именно он — плодотворная часть почвы, на которой продолжает своё существование Россия. Именно такой образ, поддержанный властью, станет мощным источником потоков социальной энергии, которую народ насчит с воодушевлением генерировать.

Подводя итог, отметим важность того, что эти качества дошли до наших дней не только в музейной шкатулке ценностей советского периода истории, но также в сердцах и умах ныне живущих людей. Почему эти качества надо маркировать как советские, ведь на языке ценностей большинство из них можно считать просто русскими? Причин несколько. Одна из них — очевидная: наднациональная маркировка воспринимается всеми народами России как своя. Более существенная причина в том, что, апеллируя к советскому периоду как позитивной части истории, мы "сшиваем" ткань истории русской, "замыкаем" наш культурно-исторический ток, обеспечиваем преемственность, объединяем силы всех поколений, их энергию, мощь, славу и веру в будущее. Это не идеологическая или мистико-эзотерическая метафора, это реально действующий инструмент социального проектирования и государственного строительства.

Следует со всей искренностью признать, что формирование "антисоветской" ценностной матрицы принесло не только проблемы, но и позитивные плоды в отношении развития государства. Среди достижений в экономике, уровне жизни, разного рода свобод и раскрытия возможностей есть много из того, что принёс этот а-сдвиг и пробуждённый дух предпринимательства. Достижения есть, но жизнь течёт, всё меняется. Как в своё время надо было сменить ценностную парадигму (от отрицания царизма перейти к умеренно позитивной оценке русской истории в целом), так и сейчас пришла пора "кое-что подрегулировать": сменить огульную критику советского периода на формирование взвешенно-позитивного к нему отношения.

Сергей БЕЛКИН

Иллюстрация: "Заполненная плоскость" (1957). Художник Маурит Корнелис Эшер

Изборский клуб
русский стратегический клуб

Российское мировоззрение: Путь к себе

Темой очередного выпуска журнала "Изборский клуб" (2024, №1(119)) стало русское мировоззрение. Свои работы представили Александр Проханов ("Встань и иди!"), Михаил Маслин ("О русских исследователях за рубежом"), Дмитрий Богатырёв ("Русский путь и изборская идеология"), Алексей Болдырев ("Мировоззренческий канон — это концептуальный мей"), Анастасия Гачева ("Будущее со всеми и для всех"), Максим Калашников ("Почему я — русский?").

В журнале опубликован авторский доклад группы экспертов под руководством Виталия Аверьянова "Мировоззрение русской цивилизации. Путь к себе", где рассматриваются, в частности, такие вопросы, как "Является ли русская культура частью европейской?", "Что такое цивилизация", "Русская цивилизация или российская?", "В чём специфические особенности русского мировоззрения", "Насколько велики незападные влияния на Россию".

Андрей Иванов представляет авторский экспертный доклад "Категории национального духа". Рубрика "Библиотекарь" знакомит с книгами Вардана Багдасаряна и архимандрита Сильвестра (Лукашенко) "Россия и Запад. Цивилизационные различия", Петра Капитина "Не-истовая типология двойственности", Вардана Багдасаряна, Юрия Иерусалимского, архимандрита Сильвестра (Лукашенко) "Хаос как стратегия глобализма".

"Стихия" представляет стихи Бориса Примерова.

Справки по телефону 8 (985) 256-91-24